

Subject: АДАМ БРЕМЕНСКИЙ->ДЕЯНИЯ АРХИЕПИСКОПОВ ГАМБУРГСКОЙ ЦЕРКВИ-
>ПУБЛИКАЦИЯ 1864 Г.->ТЕКСТ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

[Главная](#) [А](#) [Б](#) [В](#) [Г](#) [Д](#) [Е](#) [Ж](#) [З](#) [И](#) [Й](#) [К](#) [Л](#) [М](#) [Н](#) [О](#) [П](#) [Р](#) [С](#) [Т](#) [У](#) [Ф](#) [Х](#) [Ц](#) [Ч](#) [Ш](#) [Э](#) [Ю](#)
[Я](#) [Документы](#)

Реклама:

АДАМ БРЕМЕНСКИЙ

ДЕЯНИЯ АРХИЕПИСКОПОВ ГАМБУРГСКОЙ ЦЕРКВИ

GESTA HAMMABURGENSIS ECCLESIAE PONTIFICUM

**51. Гамбургская анархия при Гейнрихе III и в малолетство Гейнриха IV:
Адальберт Бременский. 1043-1072**

(в 1075 г.).

Предисловие автора.

Блаженному отцу и небесному избраннику, Гамбургскому архиепископу Лимару (преемнику Адальберта, с 1072 г.) посвящает *Адам*, ничтожнейший служитель св. Бременской церкви, свой малый дар беспредельной преданности.

Когда еще прежде (в 1068 г.) я был приобщен вашим предшественником, евангелическим пастырем (т. е. Адальбертом Бременским) к числу его паствы, я ни о чем так не думал, как о том, чтобы не остаться неблагодарным за оказанное мне благодеяние и милость. Из своего опыта и рассказов других я вскоре убедился, что первенство древней славы вашей церкви весьма умалилось, и что она нуждается в содействии многих строителей, а потому я давно уже размышлял, каким трудом можно было бы и мне подать помощь нашей метрополюльной церкви, при истощении ее сил. Иное перечитывая, а иное выслушивая от рассказчиков, и узнал многое из деяний твоих предшественников, которые, и по своей важности и по крайнему положению нашей церкви, заслуживают быть предметом повествования. Память об этих деяниях угасла, и история тех архиепископов ни кем еще не написана, а потому иной подумает, что они не сделали ничего достопримечательного, или не нашлось для них трудолюбивого историка. Убедившись же в необходимости такой истории, я решился сам написать ее в порядке Бременских или Гамбургских архиепископов; такое намерение не может противоречить ни моим обязанностям по службе, ни вашей воле: как сын этой церкви, я хочу вывести на свет жизнь св. отцов, которыми она возвысилась и распространилась между язычниками. Конечно, я должен тем более просить снисхождения к труду тяжелому и превышающему мои средства, что я не побоялся, почти не имея для себя предшественников, пойти ощупью в потьмах по незнакомой дороге, и предпочел

переносить бремя дней и жар в винограднике Господа (т. е. в монастыре), нежели оставаться праздным вне его стен... Я знаю, что у меня не будет недостатка в порицателях, как то издревле бывало со всеми, кто брался за чтонибудь новое; они скажут, что все, приведенное мною, выдумка и ложь, как тот «Сон Сципиона» у Туллия (т. е. Цицерона); пусть так! они могут даже сказать, если им угодно, что [755] мой сон притом вышел из «ворот слоновой кости» Марона (т. е. Виргилия; см. Энеид. VI, 894. ст. и след.). Но я и не имел в виду понравиться всем, и желал бы угодить одному тебе, мой отец, и твоей церкви; удовлетворить же завистников весьма трудно. Если же несправедливость их того требует, то я открою тебе, с каких полей я собирал цветы для своего венка (т. е. какими пользовался источниками), чтобы меня нельзя было обвинить в том, что я под видом истины вплетал и ложь. О том, что я писал, я заимствовал иное в рассеянных листах хроник, многое же из исторических сочинений и папских грамот, но более всего из рассказов опытных старожил; и призываю истину в свидетели, что мною ничего не выдуманно из головы, ничего не сказано без основания, и все изложенное подкреплено такими верными свидетельствами, что если иной не поверит мне, то по крайней мере окажет доверие моим поручителям. Но пусть знают все, что я своим предприятием не делаю никаких притязаний на звание историка, и также мало боюсь, если кто назовет меня лжецом; я собрал материалы, и предоставляю другому изобразить то лучше, что я не мог хорошо выразить. Я начну с св. Виллегада (VIII в.), когда франки покорили саксов и подчинили их служению Богу, а кончу твоим спасительным вступлением в должность (1072 г.), и молю при этом всемогущего Бога, чтобы Он, поставив тебя во главе народа, долго заблуждавшегося и стесненного, исправил твоими трудами, в течение твоих дней, то, что извратилось среди нас, и исправленное сохранил на веки; чтобы евангелие, при обращении язычников, начатом давно твоими предшественниками, пронеслось по всему северу в возможно скором времени, и да ниспослет нам то Иисус Христос, наш Господь, его же царствию не будет конца отныне и до века. Аминь!

Первая книга.

Вся первая книга (66 глав) посвящена автором на древнейший период истории Гамбургской церкви, начиная от первого ее епископа *Виллегада*, ученика св. Бонифация, которого престол утвердил в Бремене Карла Великий, 788 г., и до смерти епископа *Унни*, умершего в год вступления Оттона V. на престол, 936 года. В этой книге автор сначала говорит вообще о древней Саксонии, о ее завоевании Карлом V., об основании епископства Бременского, и о деятельности его преемников по распространению христианства на севере между данами, из которых в IX столетии особенно прославились *Анскарий* (847-865), *Адальгар* (888-909) и *Унни* (918-936). Изложив их неутраченные труды в безвестном крае, автор в заключение первой книги обращается к другим епископам западной Европы, не знавшим подобных трудов, и говорит: «Хорошо вам, прочим епископам! Вы восседаете там спокойно, и в ваших епископских обязанностях первое место занимают наслаждения [756] кратковременной славой, корысти, желудком и сном.

Оглянитесь ¹, прошу вас на этого бедного, но почтенного и великого пастыря Христова, заключившего так славно свою жизнь и доказавшего потомству, что нельзя оправдывать свою леность трудностям времени и места, ибо он, подвергал себя опасности и на море, и на суше, ходил к диким народам севера, и с такою ревностью отправлял свои обязанности, что умер, предав свой дух Христу, на самых отдаленных оконечностях земли (гл. 65) Так автор говорит об епископе Унни, который ходил на проповедь в Швецию и умер там в Брике, близ Упсалы.

Вторая книга.

Теперь послушай, читатель, что гласит моя вторая книга.

Содержание второй книги обнимает собою историю Гамбургской епархии от оступления на престол *Альдага* (936 г.) и до вступления Адальберта, знаменитейшего из всех Бременских епископов (1043 т.). В первых II глав., автор, говорит о тесных отношениях, в которых стоял Адальдаг с Оттоном V., при котором, открылось новое поприще для деятельности Гамбургских епископов, а именно обращение славян и подчинение их немцам, для прочности которого Оттон V, открыл новое архиепископство в Магдебурге, 971 г. с пятью епископствам: Мерзебург, Цейц, Мейссен, Бранденбурга; а шестое, Ольденбург, подчинил Гамбургским епископам. Это последнее обстоятельство доставило автору случай сделать весьма важное для нас отступление для описания земель славянских.

15. Так как теперь зашла речь об этих странах, (т. е. славянских), то, кажется, не без полезно будет при этом показать, какие именно народы по ту сторону Эльбы принадлежат к Гамбургскому диоцезу. С западной стороны этот дюцез омывается Британским (н. Немецкое море) океаном, с юга рекой Эльбой, с востока р. Неной (н. Rene), впадающею в Варварское море (т. е. Балтийское), а с севера рекою Эгдор (н. Эйдер), отделяющей датчан от саксонцев. Заэльбские же саксы состоят из трех народов: первые из них, *тедмарсгофы* (дитмарсы), живут у Океана и главная их церковь в Мелиндорне (Мельдорф); вторые — *голзаты* (голштинцы), так названные по лесам (Holz), при которых они обитают. Чрез их землю протекает р. Стурия (Стер), а главная церковь их в Сканафельде (Шонфельд). Третьи и замечательнейшие из них — *штурмары*, так названные по их склонности к частым возмущениям. Между ними, как метрополия, возвышает главу свою Гамбург (Hammaburg), прежде могущественный по воинам и оружию, богатый землей и плодами, теперь же (в 1075 г.) в наказание за свои грехи, превращений в **[757]** пустыню. Гамбургская метрополия хотя и перестала быть украшением города, но она еще сильна и в своем вдовстве, и утешается ревностною деятельностью чад своих, которые с каждым днем своею проповедью распространяют ее власть по далекому северу.

Мы нашли также и границы Саксонии, лежащей по ту сторону Эльбы, как они определены Карлон (Великим) и другими императорами, и в каком виде существуют и до сих пор. Она простирается от восточного берега Эльбы до маленького ручейка, называемого славянами Месценрейца, от него граница идет чрез дельвундерский лес до реки Дельвунды; дойдя до Горгенбиц (Горнбек) и Биленыспринга (Bilquelle), она поворачивает в Лиудвинштейну, Виспиркону (Везенберг) и Бирцнигу (Бизенниц). Оттуда же, идя на Горбинстенон до Травенского леса (Травенгорст) и вверх по нему вплоть до Булилункина (Блунк), потом до Агримессгофа, постепенно поднимается до так называемого Агримесвидильского брода (Шток-зее), где Бургвидо бился на поединке с славянским воином и умертвил его. В память того там положен камень. От этого места граница идет на озеро Пользе (Плонерзее), и доходить на востоке до свентифельдского поля (Борнгоф) вплоть до самой реки Свентины (Schwentine), по течению которой границы саксов достигают Скифского или Восточного моря.

В следующей 16 главе, автор в подтверждение своих слов ссылается на жизнеописание Карла В. у Эгингарда и переписывает оттуда 12 главу, начиная от слов: «От западного океана протягивается» и т. д. См. это место у нас, выше, на стр. 18.

17. Вот, что говорит Эгингард; но мы, так как о славянах упоминается часто, считаем излишним сделать исторический очерк славянских племен и их быта, тем более, что, как я покажу, в те времена (X ст.) ревностью нашего архиепископа Адалдага почти уже все славяне были обращены в христианскую религию.

18. Земля славян, обширная область Германии, населена винулами, которых прежде называли вандалами. Если причислить к славянам, ничем не отличающихся от них ни по наружности, ни по языку, богемцев и живущих по ту сторону Одера, полян (поляков), то их земля вдесятеро будет больше нашей Саксония. Эта страна, сильная войском и оружием, изобилующая всякого рода произведениями, со всех сторон окружена горами, покрытыми лесом, и реками, образующими ее прочные, естественные границы. Широта ее простирается от юга к северу, т. е. от Эльба до Скифского моря. Длина же ее такова, что, начинаясь в нашей Гамбургской епархии, и простираясь по неизмеримому пространству, она доходить до Бегуарии (Баварии), Венгрии и Греции. Славянские народы многочисленны. Между ними на востоке мы видим сперва пограничных с трансальбианцами *вагиров*, с приморским городом Альдинбургом (Ольденбург). За ними **[758]** следуют *ободриты*, нынешние ререги; их город Мекденбург. Далее — за ними живут *полобинги*, город которых называется Рациспургом (Раценбург). Далее, *лгипоны* и *варнабы*. Еще дальше, сидят *хиццины* и *цирципани*; река Пена (Пене) отделяет их от *толозаитов* и *ретеров*; у них город Димян (Деммин). Такова граница гамбургского диоцеза. Есть и еще славянские племена, живущия между Эльбой и Одером, напр.

гевельды, обитающие при реке Габоле (Гавел), *доксаны*, *леубуццы*, *вилины*, *стодеране* и другие; *ретарии*, поместившиеся в середине между ними, самые сильные из них. Их город, известный всему свету, Ретра ², служит центром идолослужения, где демонам — знаменитейший между коими Редигаст — построен огромный храм. Его изображение сделано из золота, а пьедестал из пурпура. Самый город имеет девять ворот, окружен глубоким озером, а чрез него перекинут деревянный мост, но по нем позволяется проходить только приносящим жертвы и желающим спросить оракула; я полагаю, что самое положение этого города указывает на то, что действительно погибшие души идолопоклонников,

Девятикратно Стикс обтекая в себе заключает ³.
Из Гамбурга до этого храма четыре дня пути ⁴.

19. За лутичами, известными еще под именем вильцев, мы встречаем реку Одер, самую богатую из славянских рек. На ее берегах, там, где она соединяется с Скифскими водами (Балтийское море), стоит знаменитый город Юмна (Иомсбург), любимое местопребывание варваров и греков, живущих вокруг ее ⁵. Так как об этом городе рассказывают много великого и едва ли даже вероятного, то и я считаю нужным сказать о нем по крайней мере то, что заслуживает упоминения ⁶. Действительно, это самый обширный из всех городов, существующих в Европе (т. е. языческой). В нем живут славяне и другая нация, греки (т. е. руссы) и варвары. На равных правах с прочими жителями там позволяется жить и приезжим саксам; разумеется во время всего пребывания в городе, они не могут открыто исповедывать христианство, ибо все его жители еще ослеплены идолопоклонническим безбожием. Впрочем во всем, что касается нравов и гостеприимства, не найдется ни одного народа почтительнее и **[759]** услужливее жителей Юмны. Этот город, куда стекаются товары всех северных наций, владеет всевозможными удобствами и редкостями. Там есть и *вулканов горшок* (olla Vulcani), называемый туземцами греческим огнем, о котором упоминает Солинус. Нептун изображен в трех видах, соответственно трем водам, омывающим этот остров, зеленой, белой и мутной, от волнения и беспрерывных бурь.

От Юмны плывут вниз коротким переездом к городу Димину, лежащему при устье реки Пены, где живут руны (ругии), а оттуда в провинцию Земланд (Самогития), которою владеют пруссы.

Путешествие это делается следующим образом: от Гамбурга, или Эльбы до Юмны едут сухим путем 7 дней; если же отправиться водою, то, чтобы прийти в Юмну, нужно сесть на корабль в Шлезвиге, иди Ольденбурге. Из Юмны, следуя далее, чрез 14 дней высаживаются на берег в Острогарде в Ругии (России), где главный город Киве (Киев), соперник константинопольского скипетра, один из великолепнейших украшений Греции (т. е. Руси).

Одер, о котором шла речь выше, берет свое начало в глубине моравского лесу, в одном месте с нашей Эльбой; но потом они текут недолго вместе и скоро расходятся по различным направлениям. Одер, поворачивая к северу, течет по земле винулов до Юмны, где отделяется померанов от вильцов; а Эльба, направляясь к западу, в своем первоначальном течении, омывает страну богемов и сорабов, в среднем — разделяет язычников от саксов, а в нижнем — ее волнистое русло отделяет гамбургский приход от бременского диоцеза, и наконец, она победительницею впадает в Британский океан.

20. Мы потому так много говорили о славянах и их стране, что, благодаря мужеству Оттона Великого, они уже все обращены и в христианство. Теперь перейдем к тому, что случилось по смерти императора (после 973 г.), в остальное время правления нашего архиепископа Адальдага (т. е. до 988 г.).

От 21 главы и до конца этой книги автор ограничивается тесным кружком деятельности Адальдага и его преемников (Либенций I, 988-1013; Унван, 1013-1029; Либенций II, 1029-1032; Гериманн, 1032-1086; и Безцелин, прозванный Алебрандом, 1035-1043) на приведение в порядок, своей епархии, прерываемой борьбой с славянами и сношениями с Даниею. Но результатом этой деятельности было утверждение власти Гамбургских епископов почти по всему побережью Балтийского моря, так что к половине XI стол. Гамбург сделался столицею огромного теократического государства. В 1043 году на престол епископов Гамбургских вступает *Адальберт* (1043-1072), один из самых блестящих людей XI века; он задумал основать северное папство и стать во главе Германии. Таким образом, благодаря его честолюбию, Гамбургский епископ (или Бременский) становится первым лицом в империи. Наш автор посвящает его деятельности свою третью книгу, самую главную, в отношении которой первые две могут быть рассматриваемы, как введение к ней. **[760]**

Третья книга.

Третья книга рассуждает о деяниях Адальберта.

1. Архиепископ *Адальберт* сидел на престоле дватцать-девять лет (1043-1072). Пастырский жезл он получил от императора Гейнриха (III), сына Конрада (II), который от Цезаря Августа был девяностым императором, считая при этом и соправителей. Архиепископскую же мантию ему, как и прежде его преемникам, прислал папа Бенедикт (IX), который, как я нашел, в ряду римских святителей был, считая от апостолов, стол-сорок-седьмой. Его поставление происходило в Ахене, в присутствии императора и князей; при этом находилось 12 епископов, и все они возложили на него руки. Впоследствии Адальберт часто ссылался на такой избыток благословения тем, которые его проклинали, и смеясь говорил, что он не может быть никем отлучен после того, как в начале своей должности успел получить торжественное благословение стольких пастырей церкви.

Но, мой достопочтенный архиепископ Лимар, хотя и трудно мне описать, как следует, деяния и характер этого мужа, однако я нахожу себя вынужденным к тому, так как мною обещано довести труд до дней твоего вступления в должность (т. е. до 1072 г.). Пустившись раз, по своему безрассудству и дерзости, в это море, я считаю благоразумным снова поспешить к берегу; не вижу только, где бы мне неопытному спокойно пристать. До того все преисполнено подводных камней зависти, до того все мелководно, что если ты вздумаешь, что нибудь похвалить, тебя обнесут льстецом, если же осудишь дурное, объявят злым человеком.

Этот замечательный человек может быть превознесен всевозможными похвалами, потому что он был благородного происхождения, красивой наружности, обладал большою мудростью, красноречием, воздержностью и целомудрием; все эти преимущества он соединял в себе; но кроме того он имел и другия, приобретаемые нами извне, а именно, богатство и счастье, чем добывается слава и власть; и всем этим Адальберт обладал с избытком. В распространении христианства среди язычников — а это составляет главное призвание Гамбургской церкви — он обнаружил такую деятельность, какой никто не показал до него. Относительно торжественности богослужения, уважения к апостольскому престолу, верности государству, забот о своей епархии, не было ему подобного, кто в звании духовного пастыря действовал бы с большим рвением, и о если бы он остался таким до конца! Выказав себя таким в начале своей деятельности, в последние годы жизни он отличался уже гораздо менее. Правда, такое ослабление в **[761]** его деятельности произошло не от одной его непредусмотрительности и небрежности, но и от внушения злобы других. Но об этом будет сказано ниже. Так как мне трудно изложить все деяния этого мужа с надлежащею полнотою, обстоятельно и в порядке, то я желаю, коснувшись одних главных сторон его деяний, перейти с болезненным чувством к описанию тех бедствий, вследствие которых богатая Гамбургская и Бременская епархия пали до того, что Гамбург был ограблен язычниками, а Бремен разбит лжехристианами. Я начну свой рассказ с описания характера Адальберта, который объяснит нам все остальное.

2. Он был весьма знатного происхождения; в Гальберштадте дали ему первое его звание священника; ум его был пронизателен и снабжен всякого рода способностями. В делах мирских и церковных Адальберт обладал большою мудростью, славился своею страшною памятью, хранившею все, что он раз слышал или серьезно изучал, и необыкновенным даром красноречия в изложении однажды усвоенного. Далее, он был одинаково знаменит телесною красотой и считался другом целомудрия. Его щедрость была такова, что он с большою готовностью и радостью награждал богатыми дарами даже таких, которые о том не просили, но сам считал недостойным просить других о чемнибудь, с затруднениями принимал подарки и чувствовал себя при этом униженным. Такой же характер носило на себе его смирение: он обнаруживал его только по отношению рабов божиих, бедных и странников, и притом в такой степени, что, отправляясь ко сну, он часто мыл, став на колени, ноги у тридцати и более нищих; за то его смирение исчезало, когда приходилось иметь дело с сильными земли, или лицами равного с ним достоинства. Против них он обнаруживал такую нетерпимость, что в глаза указывал одному его расточительность, другому — корыстолюбие, неверие, и никого не щадил, кто только казался ему достойным порицания. При таком редком соединении в *один* венец стольких добродетелей, Адальберта можно было бы назвать счастливым, если бы туда не замешался *один* порок, ненавистность которого омрачала весь блеск славы, которою мог бы сеять архиепископ: это, именно — любовь к суете, доверенная служанка знатных людей. Она сделала этого мудрого в других отношениях мужа столь нелюбимым, что многие говорили, если он и сделал много хорошего, то только для приобретения земной славы. Но рассуждающие так должны остерегаться осуждать его безусловно, ибо им известно, что в сомнительных случаях не следует произносить решительного приговора, а помнить, что тем же судом, которым судишь другого, осуждаешь себя» (Римл. 2. I.).

Нам, которые жили вместе с этим мужем и наблюдали за ним каждый день, известно, что, как человек, он делал иное для [762] мирской славы, но многое совершено им по истинному страху господню. Конечно, его щедрость превышала всякую меру, но я всегда находил, что она имела хорошие побуждения; а именно, чтобы обогатить церкви, он располагал к ней иных своею щедростью, наприим., королей и их ближайших советников; за то других, скольконибудь опасных для церкви, он преследовал всю ненавистью, наприим., наших (т. е. саксонских) герцогов и некоторых епископов. Часто, мы слышали, говаривал он, что для блага церкви готов пожертвовать собою и своими родными; «ибо, объявлял он, я никого не пощажу, ни себя, ни братьев, ни денег, ни самую церковь, только чтобы свергнуть его с моего епископства и сделать его равным другим». Впрочем лучше будет все это изложить по порядку, чтобы люди разумные могли понять как достохвально многое совершено им, и притом без всякого легкомыслия, а скорее, поневоле, что другим не понимающим дела кажется безрассудным и даже бессмысленным.

В последующих главах, от 4 и до 26, автор описывает довольно сжато первые шесть лет правления Адальберта (1043 — 1049), когда он делал приготовления для будущей своей знаменитой роли и укреплял внутри свою власть, стараясь расположить к себе и императора Гейнриха III, к папе. Руками императора он старался связать опасного для его видов герцога саксонского Бернгарда, ходил с императором в походы против венгров, фризов, итальянцев, даже был избран в папы, но отказался. Более всего, в этот период, деятельность Адальберта была посвящена на Скандинавию и славян, а потому и автор долго останавливается на сношениях с соседями, которые окончились подчинением Даний, Швеции, Норвегии и славян гамбургскому епископству. Наконец, автор рассказывает, как Адальберт выстроил на одной стороне Гамбурга первую крепость, и как на другой стороне (н. Alster) его соперник Бернгард устроил подобное же, так что старый город принадлежал епископу, а новый — герцогу. Вместе с тем Адальберт особенно заботился о внешней обстановке богослужения, приготавливая тем обращение Гамбурга в северный Рим. «Он, говорит автор (гл. 26), так был предан внешнему блеску, что отправлял богослужение не по латинским обрядам, но опираясь на какие-то, не знаю, римские или греческие обычаи..... И многое другое делал он, что невежественным людям вашего времени казалось странным, между тем, как он ничего не устраивал помимо писания, и имел в виду богатствами и славою поставить свою церковь на первое место, лишь только ему удастся склонить на свою сторону короля и папу. Их-то расположение он и старался приобрести всеми мерами». К описанию этих мер автор и переходит за тем.

27. Около этого времени (1049 г.), король Гейнрих (III), употребив несметные государственные сокровища, основал в Саксонии Гослар, обративши его, как рассказывают, из маленькой мельницы, или охотничьего шалаша, в такой огромный город, каким теперь мы его видим. В нем для себя он построил дворец, и во славу всемогущего Бога открыл два монастыря; управление же и высший надзор над одним из них поручил нашему архиепископу, так как он во всем был его неразлучным спутником и сотрудников. В то же **[763]** время ему подана была надежда на приобретение или покупку графств, аббатств и поместьев, в последствии действительно купленных нами к великому несчастью для церкви, это были монастыри Лорш и Корби, (Корвей), графства Бернгарда и Экибрехта, поместья Синциг (н. Sinzig), Плисна, Гренинген, Диспарг (н. Duisburg) и Дисмона. Приобрел эти владения уже в сомнительные минуты своего господства, наш первосвяtitель возмечтал, как то прекрасно сказано о Ксерксе, «перейти море и переплыть землю», и думал, что он может сделать все, что ни захотел бы.

28. При этом он рассчитывал в особенности на то обстоятельство, что папа Лев (IX) по крайним делам церкви прибыл в Германию; и Адальберт был уверен, что папа по старой дружбе не откажет ему ни в чем, чего каждый может достигнуть законным порядком.

В то время, в Майнце был созван знаменитый собор под председательством апостолического государя и короля Гейнриха, при содействии епископов — Бардо майнцкого, Эбергарда трирского, Геримана кельнского, *Адальберта гамбургского*, Энгильгарда магдебургского и прочих провинциальных церковных настоятелей. На этом соборе епископ шпейерский Сибико был оправдан, подвергнувшись испытанно св. причастием (см. выше, на 205 стр.), а его обвиняли в обольщении замужней женщины. Далее, на том же соборе сделано было много постановлений, клонившихся к утверждению порядка церкви; главное же, там вместе с нечестивыми священническими браками навсегда было осуждено собственноручною подписью всех членов собора ересь симонии. Наш архиепископ, воротившись домой, разумеется, не стал молчать об этом. Касательно женщин он подтвердил определение, сделанное его знаменитым предшественником Алебрандом и еще прежде того Либенцием, по которому женщины должны были жить за чертой, церкви и города, чтобы соседство обольстительниц с их вольными речами не оскорбляло целомудренного взгляда.

Этот собор был в 1051 году, т. е. в седьмом году правления архиепископа. В это же время был посвящен самый большой алтарь в честь Божией матери.

30. Об этом соборе я упомянул именно потому, что владыка Адальберт превзошел на нем своею мудростию и дарованиями почти всех славных мужей церкви. И папа и король считали его за великого человека, так что в публичных делах никогда не обходились без его совета. Король же нуждался в нем даже и в военных вопросах, где духовное лицо вовсе не уместно; ум Адальберта он не раз испытал в борьбе с врагами; искусный итальянский полководец Бонифаций (тосканский), Готфрид (лотарингский), Оттон (баварский) Балдуин (фландрский) и другие, производившие мятежи в империи и старавшиеся, **[764]** казалось, утомить короля трудной борьбой, знали хорошо Адальберта, и даже покорившись королю, хвастались тем, что только один ум архиепископа мог победить их.

Что же касается варварских народов, венгров, датчан, славян или по крайней мере норманнов, то вообще нужно заметить, что император чаще побеждал их благоразумием, чем войною, следуя правилу внушенному ему нашим архиепископом:

Кто лежит, ты щади, непокорного ж бей беспощадно **7!**

К довершению нашего счастья случилось еще одно обстоятельство: храбрый греческий император Мономах (Константин X, 1042 — 1054) и Гейнрих (I) французский прислали нашему императору дары, а архиепископу нашему привет за его мудрость и преданность,

в благодарность за счастливо оконченную по его совету войну; вследствие того и он, в своем ответном послании константинополитанам, между прочим с особенною гордостью указывал на свое происхождение от греческих императоров, так как его родоначальниками были феофания и храбрый Оттон, и говорил, что после того нисколько не удивительно, если он любит греков и старается подражать им в нравах и обычаях, а он именно это делал.

Подобное же письмо послал он к королю французскому и другим.

32. И так, наш глава, возгордясь своим успехом и вне, и видя что папа и король содействуют его планам, с горячею ревностию принялся трудиться над учреждением в Гамбурге *патриархата*. На этот план навело его то крайнее обстоятельство, что датский король, так как христианство у него распространилось до последних пределов земли, желал учредить архиепископство в своем королевстве. Это дело, с разрешения апостольского престола и согласно с каноническими правилами, почти уже состоялось; ожидали только решения нашего архиепископа. Он обещал дать свое согласие, если ему и его церкви прислана будет из Рима грамота на патриаршее достоинство. Этому патриархату, вместе с провинциальными епископами нашей церкви в Даний и других странах, он намеревался подчинить двенадцать епископств, которые хотел образовать из разделения своей епархии: первый епископ должен был находиться в Палиме (Pahlen) на реке Егдор (р. Эйдер), второй в Гелиганштаде, третий в Рацебурге, четвертый в Ольденбурге, пятый в Мекленбурге, шестой в Штаде, седьмой в Лисмоне, осьмой в Вильдегаузене, девятый в Бремене, десятый в Вердене, одиннадцатый в Рамзоле, двенадцатый в Фрисландии. Подчинив себе без особенного труда Верденское епископство, он тем не редко хвалился. [765]

33. Между тем как это дело с обеих сторон тянулось, умер святейший папа Лев (IX) и в том же самом году преставился и храбрый император Гейнрих (III) ⁸. После их смерти не только церковь пришла в замешательство, но и самое государство, казалось, стало на край погибели.

Все зло, какое испытало в то время Гамбургское архиепископство, произошло от того, что архиепастырь наш весь предался придворным делам.

Управление государством, по праву наследства, перешло, к великому ущербу для всех, в руки женщины и дитяти ⁹. Князя, отвергая с негодованием правление женщины и власть дитяти, сначала, чтобы не остаться под игом такого рабства, возвратили себе прежняя вольности, а потом начали между собою спор, кто из них могущественнее, и наконец дерзнули поднять оружие против своего государя с намерением свернуть его с престола. Все это легче было видеть глазами, чем теперь описать пером.

Наконец, когда волнение уступило место спокойствию, архиепископы Адальберт и Анно ¹⁰ были провозглашены *консулами* ¹¹, и с того времени все зависело от них. Несмотря на благоразумие этих мужей и ревностную их деятельность в заботах о государстве, оказалось, что они пользовались не одинаковым влиянием. Потому видимое согласие обоих епископов продолжалось не долго, и хотя на словах они были миролюбивы, но сердца их бились смертельною ненавистью друг к другу. Справедливость, конечно, была на стороне Бременского архиепископа, так как он обнаруживал больше мягкосердечия и объявил, что нужно до гроба хранить верность своему королю и государю; Кельнский же владыка, человек нрава жестокого, был даже обвинен в нарушении верности королю, и участвовал во всех заговорах составлявшихся в его время.

34. По этому, корыстолюбивый Анно употребил все, что мог собрать дома и при дворе на украшение своей церкви, так что она, быв уже прежде великою, не имела себе равной во всем королевстве. Он покровительствовал своим родственникам, друзьям и капелланам, замещал ими высшие, почетные места, с тем, чтобы они в свою очередь устраивали

своих друзей на нисших местах. Из них известнейшие были брат архиепископа, Вецел, архиепископ магдебургский, и их двоюродный брат, Буркгард, епископ гальберштадский, также Куно, назначенный-было в Трир епископом, но прежде поступления на эту [766] кафедру, завистью духовенства украшенный мученическим венцом. Равным образом Гильберт, епископ Миндейский и Вильгельм Утрехтский. Кроме того в Италии патриарх Аквилейский, епископ Пермский и другие — всех не перечтешь; все они, возвысьсь по милости и стараниям Анно, наперерыв старались заплатить своему благодетелю содействием в его предприятиях и **рассчетах**. Впрочем до нас дошло, что этот муж сделал нисколько и [орошего, как в светском, так и в духовном отношении.

35. А наш глава, увлекаемый Мирскою славою и почестями, считал недостойным себя покровительствовать своим, хотя и держал при себе целую толпу алчущих; ему казалось позорным, если король или кто нибудь из вельмож оказывал благодеяние его приближенных, которых, по его собственным словам, он мог наградить также хорошо, если не лучше.» По этому очень немногие из его приближенных получали епископское достоинство с его одобрения; за то впрочем, многих из них, хорошо владевших языком и ловко успевших исполнять его поручения он осыпал золотом. Таким образом, произошло то, что ради мирской славы он принимал к себе людей всякого сорта и всяких художеств, в особенности же лицемеров ¹². Густая толпа таких людей постоянно окружала его при дворе; он таскал ее с собою всюду, куда ни отправлялся, и уверял других, что она не только не тяготит его, но даже увеселяет (см. ниже гл. 37).

Между тем, деньги, полученные им с своих подчиненных от друзей и с тех, которые посещали двор, или подвергались королевскому наказанию, эти деньги, и весьма значительные, расточал он на негодяев, шарлатанов, лекарей, комедиантов и другия лица подобного рода, неблагоприятно рассчитывая на любовь таких людей, чтобы понравиться при дворе, стать во главе всего управления и таким образом достичь целей, которые он преследовал для блага своей церкви. Сверх того, он делал своими вассалами всех мужей прославившихся, или отличившихся в Саксонии и других странах: одним из них отдавал то, что имел, другим обещал то, чего и не имел, и [767] таким образом, к великому вреду для души и тела, покупал себе пустой звон суетной славы. Раз заразившись этим недугом, с течением времени и до самого конца нравы архиепископа делались все хуже и хуже.

36. В то самое время, когда Адальберт так возгордился почестями, оказываемыми ему при дворе, и сделался невыносимым бременем для своей бедной епархии, прибыл он в Бремен, по обыкновению, в сопровождении огромной толпы вооруженных, чтобы обременить народ и землю новыми налогами. Тогда же построены были им и те земли, которые возбуждали в наших герцогах такое сильное негодование; но к устройству монастырей у него уже не было более прежней ревности. Удивителен был нрав этого человека: бездействие для него было невыносимо, и не смотря на множество дел дома и вне, ожидавших его решения, он никогда не утомлялся. Поэтому, наше епископство и без того обедневшее вследствие его расточительности и безумных усилий приобрести расположение ненасытного двора, теперь постройкой замков и приорств было доведено до гибели. Он даже приказал развесть сады и виноградники на нашей дурной почве (т. е. около Гамбурга), и не смотря на бесполезность и не выполнимость этой причуды, усердно выплачивал огромные суммы исполнителям своих планов. Таким образом, высокий ум этого мужа боролся даже и с природой своего отечества и желал владеть всем, что где либо видал замечательного. После долгого и тщательного размышления о причинах такой слабости, я нашел, что иногда и столь мудрые люди от чрезмерной привязанности к мирской славе могут ослабеть в своем характере. Кичась в дни своего земного богатства и величия, он не знал меры в своем стремлении к высокомерию, а в несчастии, совершенно падая духом, без меры поддавался гневу и скорби. Таким образом, он переступал границы в обоих случаях, как в добре, когда принимал участие в страданиях других, так и в зле, когда выходил из себя.

37. Доказательством тому служит то, что в гневном бешенстве он своими собственными руками бил некоторых до крови, напр., так поступил он с своим приором и другими. Между тем в хорошем расположении духа, которое в этом случае лучше назвать страстью делать подарки, он был до того расточителен, что, считая фунт серебра на один пфеннинг, самым ничтожным людям бросал сотни фунтов серебра, а более знатным дарил и большие суммы. Потому, когда он был гневен, все бежали от него, как от льва, когда же опять успокаивался, его можно было гладить как ягненка. Приближенные и даже посторонние особенно легко утишали его гнев льстивыми похвалами; тогда он становился другим человеком, и начинал улыбаться своему льстецу. Я сам часто видел, как **[768]** пользовались этой слабостью лицемеры, со всего света стекавшие в его покои, как словно в какую-нибудь помойную яму, и которые, по его мнению, необходимы князьям для внешнего блеску. Всякого чем-нибудь известного при дворе или самому королю, он удостаивал своего общества, а прочих придворных отпускал с подарками. Таким образом, он обольщал даже людей почтенных и занимавших высокие духовные должности; из честолюбивого стремления попасть в его круг, они делались постыдными льстецами. Между тем как людей, неумевших, или просто не хотевших льстить, на наших глазах выпроваживали из архиепископского дворца, как простых и глупых, желая, вероятно, тем самым сказать:

Беги от жизни придворной,

Если желаешь себя сохранить.

Или:

Тот зовется донощиком, правду кто говорить нам. (Ювен. I. 161).

Лжецы же у нас получили такой перевес, что и говорившим, правду нельзя было верить, хотя бы они клялись. Вот, какими людьми наполнен был епископский дом.

38. Кроме того, к нам каждый день приходили и другие льстецы, дармоеды, снотолкователи, разнощики новостей, и то, что они выдумывали, и что, полагали, может понравиться нам, выдавали за откровение, сообщенное им ангелами. Так, они всенародно предсказывали, что *Гамбургский патриарх* (как позволял называть себя наш архиепископ) скоро будет папой, его соперники должны быть удалены от двора, что он один и долгое время будет управлять государством и достигнет такой глубокой старости, что останется более пятидесяти лет архиепископом, и наконец, в правлении этого мужа настанет для света золотой век. И все это, внушенное лицемерием и корыстью, Адальберт принимал за истину, за глас свыше, основываясь на том, что по св. писанию человек, на основании некоторых знамений, как-то, сновидений, гаданий и ходивших в народе изречений, или необыкновенных явлений природы, — может предугадывать будущее. Вследствие того, у него был обычай, отходя ко сну, забавляться сказками, пробудившись — снами, а при отъезде в путь — астрологией. Иногда он целый день спал, а ночь всю напролет просиживал или за игрой в кости, или за столом. Во время пира он приказывал предлагать гостям всего в избытке, а сам часто вставал из за стола, ни к чему не прикоснувшись; он нарочно заранее наказывал людям обязанностью которых было принимать и угощать гостей, не обращать на него никакого внимания. Гостеприимством он хвалился, как **[769]** великую добродетелию, которая, не лишая нас божеской награды, доставляет великую славу уже между людьми. За обедом он находил удовольствие не столько в пище и питье, сколько в остроумных речах, рассказах о королях, и в метких изречениях философов. Когда же был один дома, а такие случаи, когда ему приходилось обедать без гостей и королевских посланных, были редки, — то все время проводить в слушании сказок, снотолковании, но всегда с соблюдением благопристойности. Музыкантов допускал к себе редко, разве по нужде, для облегчения горести и заботь. Пантомимов же, старающихся потешить толпу неприличными телодвижениями, никогда не принимал к себе. Постоянно находились при нем только одни врачи, другие же, если не требовало какое-нибудь важное обстоятельство, чтобы к

нему были допущены светские лица, с трудом получали на то позволение. Таким образом, двери его спальни, которые мы видели прежде открытыми всякому незнакомцу и чужестранцу, впоследствии окружены были такой сильной стражей, что послы с важными поручениями и люди, имевшие высокое положение в свете, по неволе должны были иногда целую неделю стоять за дверями.

39. Сверх того, Адальберт имел обычай за обедом подсмеиваться над лицами, занимавшими важные должности, издевался над их жадностью и глупостью, а многих из них попрекал низким происхождением. Всех вообще поносил он за неверность к королю, поднявшему их из ничтожества, и высказывал то, что только он один защищает короля из любви к государству, а не для своей пользы. Доказательством того в его глазах служило то, что тогда как первые, как люди низкие, грабили чужое добро, он, как человек благородного происхождения, сыпал на все стороны свое. Такие оскорбительные выходки он делал против всех, не щадил никого, лишь бы поставить себя выше других. Одним словом, этот человек, не любя ничего, кроме мирской славы, так сильно испортился, что потерял даже и те добродетели, которые имел прежде. Выше приведенные нами его поступки и многое другое в этом роде относится именно к тому времени, когда суеверие, хвастовство, или лучше сказать, беспечность, покрыли его к тому великим позором и возбудили к нему всеобщую ненависть, особенно со стороны знатных.

В 40 гл., автор называет, в числе таких врагов Адальберта, на первом месте герцога Саксонского Бернгарда и его детей, которых он не смотря на все вышесказанное обвиняет, и в доказательство правоты архиепископа приводит следующий случай:

41. Герцог, увлекаемый своею корыстью, пошел в Фрисландию, где ему не была выплачена установленная подать; ему сопутствовал и архиепископ с целью примирить отпавший фрисландский народ с [770] его герцогом. Но когда алчный к маммоне герцога, получив сполна все, не хотел довольствоваться семью-стами марок серебра, этот дикий народ пришел в ярость и,

Меч обнаживши, в битву вступил, защищая свободу ¹³.

Многие из наших были убиты тогда, другие разбежались, лагерь герцога и епископа был разграблен, и таким образом огромные суммы денег из церковных доходов погибли там безвозвратно. Однакож оказанная в опасности дружеская верность герцогу не принесла нам на столько пользы, чтобы он и его дети перестали преследовать церковь. Герцог, как бы предвидя, что будет после него, часто со вздохами говорил, что его сыновья самой судьбой предначначены к разорению Бременской церкви. Так ему представилось во сне, будто вышедшие из его дома, сперва медведи и кабаны, потом олени, и наконец зайцы, устремились к церкви; по этому поводу, он сказал: «Медведи и кабаны, вооруженные клыками — наши храбрые предки; олени, украшенные только рогами — это мы с братом; а зайцы — наши мало храбрые и даже трусливые дети; я боюсь, прибавлял он, что они станут нападать на церковь и этим навлекут на себя небесное мщение. Поэтому он увещевал их и заклинал страхом Божиим не делать нечестивых злоумышлений против церкви и ее пастырей; потому что оскорбление, нанесенное им — наносится самому Христу и влечет за собою неминуемую кару. Но они были глухи к подобным увещаниям. Мы сейчас увидим, как они были наказаны за свои грехи.

В 42, 43 и 44 гл., автор рассказывает, как, по смерти Бернгарда, его дети Ордульф и Гериманн, ограбили Бременскую церковь, и как оба были за то наказаны: Гериманн приговорили к ссылке, а Ордульф поплатился 60 поместьями в пользу Бремена. По этому поводу автор исчисляет и другия приобретения Адальберта, увеличившие богатство его епархии.

45. Наша церковь могла быть столь богатою, что нашему архиепископу нечего было завидовать архиепископам Майнцкому и Кельнскому. Только епископ Вюрцбургский превышает его своим положением, потому что вместе с графскими обязанностями округа в его руках было и самое герцогство. Нашему архиепископу сильно хотелось сравняться

с ним и он всячески старался приобрести церкви все графские места своей епархии, с которыми связывалось право суда. Так он добился у императора самой важной графской должности в Фрисландии, в Фивельгоэ, бывшее прежде за герцогом Готфридом, а теперь принадлежащее Экиберту. За нее платили тысячу марок серебра, из [771] коих двести вносил Экиберт, признававший вместе с тем себя вассалом церкви. Архиепископ удерживал это графство десять лет, до времени своего изгнания. Вторая его графская должность была в графстве, принадлежавшем Уто, и рассеянном по разным местам бременской епархии, преимущественно же около Эльбы. За нее архиепископ платил Уто церковными имуществами столько, что плата эта равняется годовому доходу, — в тысячу фунтов серебра, между тем, как на такие церковный деньги можно было принести большую пользу, а нам все мало для мирской славы, и мы лучше желаем быть бедными, лишь бы иметь много подданных. Третье графство, по названию Эмизгоэ, находится во Фрисландии, неподалеку от нашей епархии. Право нашей церкви на него защищал против Бернгарда Годескальк (славянский князь), и был убит. За это графство наш архиепископ обязался платить королю тысячу фунтов серебра. Не имея такой суммы денег, он взял из церкви (о горе!) кресты, алтари, венцы и другия украшения церковные, продал их, и вырученными деньгами заплатил условленную сумму. Он хвастался в скором времени вдесятеро заплатить церкви за взятые вещи, и из серебрянной сделать ее золотою, как обещал и прежде при разграблении монастыря. О, какое святотатство! Два золотых креста с драгоценными камнями, главный жертвенник и чаша — оба из блестящего красного золота, осыпанные драгоценными камнями, были разломаны. Они стоили двадцать марок золота; их принесла в дар бременской церкви вместе с другими подарками госпожа Эмма. Расплавливавший эти вещи золотых дел мастер рассказывал, что с великим прискорбием он должен был ломать эти кресты, и некоторым тайно открывал, что при каждом ударе молотка ему слышался жалобный плачь младенца. Таким образом, сокровище бременской церкви, с величайшими усилиями собранное от благочестивых пожертвований верующих прошлого и нынешнего времени, в одну несчастную минуту пропало за ничто. И от продажи этих вещей едва ли составила и половина должной суммы. Мы слышали, что драгоценные камни, вынутые из священных крестов, были употреблены некоторыми людьми на подарки своим любовницам.

46. Признаюсь, мне страшно передать все, как было; рассказанное выше считалось только еще началом горя, а страшное мщение последовало позже. С того времени счастье начало нас покидать; все пошло против нас и церкви; на нашего епископа и его приверженцев стали смотреть как на еретика. Впрочем, он не обращал никакого внимания на общее мнение, и между тем, как его собственные дела оставались без внимания, он весь страстно предался двору, упорно добиваясь себе славы; преимущественно он стремился к управлению государственными делами, потому что, как сам он рассказывал, для него невыносимо было видеть своего короля и государя связанным в [772] руках его окружавших. Он уже достиг консульства, и, удаливши соперников, один владел Капитолием, но зависть, всегда преследующая славу, не оставила и его в покое. Наш глава, решившись во время своего консульства восстановить золотой век, старался всеми силами искоренить в царстве бжием всякую неправду, уничтожить всех поднимавших руки против короля, всех злоумышленников и грабителей церкви. Но как такие преступления сознавали за собою все епископы и вельможи, то они единодушно поклялись с тем, чтобы погубить его одного, а прочих избавить от опасности. Потому, собравшись в Трибуре, где был и сам король, они изгнали нашего архиепископа от двора, как чародея и обольстителя. Так, была «его рука на всех и руки всех на него» (1 Моис. 16, 12); борьба кончилась пролитием крови (январь. 1066 г.).

Последние главы третьей книги, от 47 до 70, автор рассказывает, как все вооружились против Адальберта, как он бежал в Гослар и потом заключил мир с Магнусом, герцогом Саксонским, по условиям которого архиепископ удержал, за собою одну треть своих владений. После отступления по поводу дела шведских и датских автор возвращается к описанию печального положения Бремена и весьма коротко упоминает о том, что в 1069 году Адальберту удалось снова получить консульство и прежнюю власть; затем в 10 последних главах подробно останавливается на исчислении различных предзнаменований,

говоривших о близости смерти Адальберта, рассказывает, как он скончался в Госларе (1072 г.) и был погребен в Бремене. К третьей книге присоединено автором или кем нибудь посторонним небольшое приложение с описанием миссионерской деятельности Адальберта.

Четвертая книга и последняя, из 42 глав, посвящена исключительно географическому описанию Скандинавии и островов отдаленного севера с показаниями, как и когда было распространено там христианство. Автор, начав с Дании, в конце приходит к описанию Исландии и Гренландия, на чем и останавливается летопись.

Адам Бременский.

Gesta Hammenburgensis ecclesiae pontificum Libri IV.

Адам Бременский (Adam Bremensis, род. около 1040 г., ум. около 1075 г.) был родом из Мейссена, и в 1068 г. явился ко двору Гамбургского или Брехенского архиепископа Адальберта, накануне его вторичного возвышения. Более мы почти ничего не знаем о его жизни. Его сочинение «О деяниях святителей Гамбургской церкви» в 4 книгах, свидетельствует о том, что он имел случай получить превосходное классическое образование и особенно был знаком с Саллустием. Но текст его хроники, испещренный позднейшими ему современными схолиями (заметками) представляет и до сих пор много трудностей для исторической критики. *Издания:* Лучшее и очищенное у Pertz, Monum. VII. 280-389. *Переводы:* Немецк. Laurent (Berl. 1850) в Geschichtsch. d. d. Vorzeit. Lief. 7. — *Критика:* Assmussen, De fuitibus Adami. Kiliae. 1834.

Комментарии

1. Этот укор, весьма замечателен в устах автора, при жизни которого, как он сам, говорит, описывая ниже нравы своего современника, епископа Адальберта, и Бременские епископы с трудом могли бы оглянуться назад.
2. Близь нынешней деревни Прильвитц, в Ней-Стрелице.
3. Энеида, VI, 439.
4. Ср. об этом храме у Титмара, VI, 17, выше, на стр. 698.
5. Под *греками* автор здесь понимает русских купцов из Киева, потому что ниже он причисляет Киев к городам Греции.
6. Критический разбор этого важного места в хронике Адама см. у *Грановского*, Вольтер, Иомсбург и Вимета; помещ. в Полн. собр. его сочин. I, 213 стр. и след.
7. Виргил. Энеид. VI, 854.
8. Лев IX ум. собственно еще 19 апр. 1054, а Гейрих III 5 окт. 1056 г.
9. Т. е. малолетнего Гейнриха IV и матери его Агнесы.
10. Анно или Ганно, архиепископ Кельнский, 1056 — 1075.
11. Со времени Оттона III утвердился обычай употреблять римские титула (см. стр. 686): консул — правитель.
12. Вся хроника Адама Бр. покрыта, как и произведения древних классиков, замечаниями схолиастов, числом до 152, которые пополняли от себя то, что было у автора выражено коротко. Так, по поводу этого места, 78 схолия замечает: «Между такими находился один пришелец Павел, обращенный еврей, который, после своего странствования по Греция, незнаю, из любознательности, или по любостязанию, по

возвращении своем, пристал к нашему архиепископу, хвалясь, что он может сделать мудрецов в три года из людей, которые не знали бы даже читать, и из меди добыть красное золото. Без всякого труда он заставил архиепископа верить всему, чтобы он и говорил, и ко всей своей лжи присоединил то, что он вскоре позаботится о том, чтобы учредить в Гамбурге общественную золотую монету и пустить ее в ход вместо византийского денария.»

13. Виргил. Эн. VIII, 648.

(пер. М. М. Стасюлевича)

Текст воспроизведен по изданию: История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том II. СПб. 1864

© текст - Стасюлевич М. М. 1864
© сетевая версия - Thietmar. 2013
© OCR - Станкевич К. 2013
© дизайн - Войтехович А. 2001